

Белоногов Ю.Г. Факторы изменения законодательства по укреплению трудовой дисциплины в индустриальном секторе советской экономики довоенных пятилеток // *Технологос.* – 2019. – № 2. – С. 92–101. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.2.07

Belonogov Yu.G. Factors of Change of the Legislation on Strengthening of Labour Discipline in the Industrial Sector of the Soviet Economy of Pre-war Five-years Periods. *Technologos*, 2019, no. 2, pp. 92-101. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.2.07

DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.2.07

УДК 349.2(47+57)“192/194”

ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО УКРЕПЛЕНИЮ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ СЕКТОРЕ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ ДОВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК

Ю.Г. Белоногов

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 07 февраля 2019 г.
Принята: 26 апреля 2019 г.
Опубликована: 28 июня 2019 г.

Ключевые слова:

трудовая дисциплина; индустриализация; текучесть рабочей силы; коллективизация; технократизм; «плохой труд», советское законодательство.

АННОТАЦИЯ

Рассмотрена эволюция советского законодательства 1928–1941 годов, касающегося вопросов укрепления трудовой дисциплины. Исследование имело целью объяснение взаимосвязи причин криминализации некоторых трудовых правонарушений в начале 1940-х годов. Для анализа эволюции трудового законодательства был выбран индустриальный сектор советской экономики, в котором наиболее отчетливо проявлялись проблемы трудовой дисциплины. Исследование проведено в рамках диахронного сравнительно-правового метода. Анализ нормативно-правовых актов 1929, 1932, 1938, 1940 годов показал, что на протяжении довоенных пятилеток для повышения уровня трудовой дисциплины и снижения текучести кадров советское руководство использовало определенный арсенал способов материального поощрения, морального побуждения и принуждения, при этом изменяя приоритеты в структурном наборе методов. Мейнстримом государственной политики в данной сфере стало технократическое использование механизма принуждения к труду. Технократический выбор методов зависел от конъюнктурной ситуации на рынке труда, на которую оказывали влияние как внутренние факторы (источники комплектования рабочей силы для промышленных предприятий, уровень социального и жилищного обеспечения трудящихся в индустриальных центрах, политика государства в сфере оплаты труда, степень исполнительской дисциплины на предприятиях), так и внешние факторы (обострение внешнеполитической обстановки, усилившее форсированную подготовку к предстоящей войне). Рассматривается конкретный механизм влияния указанных факторов на динамику количества негативных трудовых девиаций. Ключевую причину криминализации трудовых правонарушений автор усматривает в слабой эффективности мер по снижению текучести кадров методами трудового права в изменившемся к концу 1930-х годов соотношении спроса и предложения на рынке труда. Форсированная милитаризация советской экономики обострила кадровую проблему даже на объектах оборонного значения. Аргументируется вывод: политика укрепления трудовой дисциплины являлась технократической реакцией властвующей элиты на поведение мало- и полуквалифицированных рабочих в условиях функционирования огосударственного рынка труда.

© ПНИПУ

Белоногов Юрий Геннадьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и истории, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9558-4357>, e-mail: ugb78@mail.ru.

Yury G. Belonogov – PhD, Associate Professor, Department of Public Administration and History, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9558-4357>, e-mail: ugb78@mail.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

FACTORS OF CHANGING THE LABOUR DISCIPLINE SUPPORT LEGISLATION IN THE INDUSTRIAL SECTOR OF THE SOVIET ECONOMY OF THE PRE-WAR FIVE-YEARS PERIODS

Yury G. Belonogov

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 07 February 2019
Accepted: 26 April 2019
Published: 28 June 2019

Keywords:

labor discipline; industrialization;
labor fluidity; collectivization;
technocratism; "low-productive work",
Soviet legislation.

ABSTRACT

The evolution of the Soviet legislation of 1928-1941 concerning strengthening of labor discipline for the purpose of an explanation of interrelation of the reasons of criminalization of some labor offenses in the early forties became the object of studying. As the sphere for the analysis of evolution of the labor law the industrial sector of the Soviet economy was chosen. The problems of labor discipline were shown most distinctly there. The research is conducted within a diachronic comparative and legal method. The analysis of the legislation (1929, 1932, 1938, and 1940) showed: the soviet leadership used an arsenal of ways of financial encouragement, moral motivation and coercion, only changing priorities in a structural set of methods for increasing the level of labor discipline and decreasing the turnover of staff. Technocratic use of the mechanism of work's coercion became a mainstream of public policy in this sphere. The choice of technocratic methods depended on a situation in labor market, some internal factors (sources of completion of work at the industrial enterprises, level of the public assistance and the housing help of workers in industrial centers, the policy of the state in the sphere of compensation, degree of the acting discipline at the enterprises) and external factors (deterioration in a situation with foreign policy which strengthened compulsory preparation for the forthcoming war). The mechanism of influence of the specified factors on dynamics of number of negative labor deviations is considered. The author sees the key reason of criminalization of labor offenses in weak efficiency of measures for decrease in turnover of staff by methods of a labor law in the ratio of supply and demand which had changed by the end of the 1930th in labor market. The forced militarization of the Soviet economy aggravated personnel's problem even at the defense enterprises. The conclusion has been argued: the policy of strengthening the labor discipline was the technocratic reaction of elite to the behavior of unskilled workers in conditions of operating the nationalized labor market.

© PNRPU

Введение

Начатая в конце 1920-х годов индустриализация предполагала усиление плановых начал в государственном регулировании экономики. Для устранения несоответствия между масштабностью задач индустриализации и ограниченностью материальных ресурсов для их исполнения советское руководство неизбежно должно было активизировать разнообразные механизмы принуждения к интенсификации труда. Это закономерно приводило к неблагоприятным для производства последствиям – увеличению текучести (незапланированного «перетока») рабочей силы с одного предприятия на другое и активизации действия феномена «плохого труда», который проявлялся и в росте нарушений трудовой дисциплины среди трудящихся. Данные явления могут рассматриваться как пассивная форма протеста против принуждения к труду, реализуемая в специфических условиях функционирования советского рынка труда (автор статьи исходит из методологической установки, сформулированной в [1]). Имея схожие причины, негативные трудовые девиации и текучесть кадров нередко взаимно обуславливали и усиливали действие друг друга (об этом, например, см. [2, с. 173]). К концу 1930-х годов их взаимосвязь стала более очевидной: нарушения трудовой дисциплины (систематические опоздания, прогул без уважительных причин, мелкие кражи на производстве и т.п.) остались одним из очень немногих легальных оснований для получения желаемого увольнения и поиска нового места работы с более хорошими условиями труда и социального обеспечения. По экспертным оценкам, только из-за нарушений трудовой дисциплины про-

мышленность за годы второй пятилетки (1933–1937) недополучила продукции на сумму около 3 млрд рублей (в ценах 1926/1927 гг.), за 1938–1939 годы данный показатель оценивался в 800 млн рублей [3, с. 57]. Безусловно, власть была вынуждена задействовать правовой механизм для решения указанных проблем.

Политика укрепления трудовой дисциплины в индустриальном секторе советской экономики довоенного периода остается объектом изучения и современной исторической науки. К настоящему времени появились работы, посвященные правоведческому анализу и историческим обстоятельствам принятия нормативно-правовых актов 1932 [4], 1938 [5, 6, 7], 1940 [8] годов. Весомую научную значимость представляют исследования по анализу правоприменительной практики на уровне отдельных предприятий, отраслей, регионов [9, 10]. Административные, экономические и социально-психологические методы укрепления трудовой дисциплины также остаются в фокусе научных интересов историков [11, 12, 13].

Но на сегодняшний момент остается слабо изученным исторический сюжет о факторах, объективно влиявших на текучесть рабочей силы и негативные трудовые девиации и тем самым на решения верховной власти в изучаемой сфере. По нашему мнению, изучение механизма влияния данных факторов позволит лучше понять зависимость между динамикой трудовых правонарушений и проблемой текучести рабочей силы, оценить эффективность выбранных методов ограничений «перетока» рабочей силы в зависимости от спроса и предложения на рынке труда, провести анализ преемственности и новизны в законодательстве конца 1920-х – начала 1940-х годов относительно эволюции юридической ответственности за трудовые правонарушения.

Каждый из четырех основных нормативно-правовых актов (1929, 1932, 1938, 1940 гг.) стал результатом действия определенных факторов внешнего окружения.

1929-й – год «Великого перелома»?

В конце 1920-х годов на рынке труда возникла характерная для НЭПа ситуация превышения предложения рабочей силы над спросом. По официальным данным, на 1.04.1928 года на биржах труда числилось 1576 тыс. безработных, на 1.10.1928 года – 1365 тыс., на 1.04.1929 года численность увеличивается до 1741 тыс., а затем снижается: на 1.10.1929 года – уже 1242 тыс., на 1.04.1930 года – 1081 тыс., на 1.10.1930 года – 240 тыс. безработных [14, с. 23]. В условиях безработицы для снижения текучести рабочей силы и укрепления трудовой дисциплины государство повышало престижность добросовестной деятельности на одном месте работы. Постановление СНК СССР от 6 марта 1929 года обязывало биржи труда при посылке на работу безработных отдавать предпочтение лицам, которые не подвергались увольнению за грубое или систематическое нарушение трудовой дисциплины [15, ст. 2]. Постановление советского правительства от 5 июля 1929 года устанавливало, чтобы при предоставлении работникам жилья из жилищных фондов предприятий, направлении на курсы повышения квалификации или продвижении внутри организации на более квалифицированную работу учитывались как длительность пребывания работников на предприятии, так и степень соблюдения ими трудовой дисциплины [16, ст. 1]. Однако данные инициативы властей не привели к заметному улучшению ситуации: в начале 1930-х годов количество прогулов в расчете на одного рабочего увеличилось, а текучесть кадров оставалась очень высокой в отраслях с широким применением тяжелого физического труда [1, с. 39–40; 10, с. 83]. Чем это было вызвано?

С начала 1930-х годов ситуация на рынке труда кардинально меняется. Народное хозяйство начинало испытывать недостаток рабочей силы: в мае 1930 года торфоразработки

были обеспечены рабочими на 76,5 %, лесозаготовки – только на 40 %; осенью 1930 года в угольной промышленности не хватало 103 тыс. человек, на строительстве новых заводов – 150 тыс. рабочих [17, с. 12]. Увеличение масштабов промышленного строительства и производства обостряло проблему дефицита рабочей силы, которая решалась в то время прежде всего за счет жителей деревни. В период первой пятилетки сформировалось два основных канала «перетока» рабочей силы из аграрного в индустриальный сектор экономики. Первый, самый распространенный, канал предусматривал индивидуальный наём предприятием трудоспособных крестьян, перебивавшихся на постоянное место жительства в промышленные центры в целях спасения от угрозы раскулачивания. Вторым каналом предполагал поощряемое властями отходничество, т.е. временный уход крестьян (как колхозников, так и единоличников) из сельской местности в районы промышленного строительства и производства, лесозаготовок для дополнительного заработка. Масштабы привлечения рабочей силы только в рамках отходничества были сопоставимы с количеством занятых в промышленности пролетариев: в 1926/1927 году число отходников составило 3145 тыс. человек, в 1927/1928 году – 5451 тыс., в 1928/1929-м – 4343 тыс., в 1931 году (вместе с оргнабором) – 5454 тыс., в 1932-м (вместе с оргнабором) – 3642 тыс. [18, с. 120].

Но эти способы пополнения рядов пролетариата обладали и очевидными минусами: сезонный характер работы части крестьян и нерегулируемый властями «прилив» и «отлив» отходников ставил под угрозу выполнение стройками и предприятиями напряженных планов [19, с. 132–133]. Исследователи также отмечают сложную адаптацию к машинному производству маргинальных категорий рабочих вследствие наличия у них особых («крестьянских», «доиндустриальных») представлений о культуре труда, что провоцировало высокий уровень нарушений трудовой дисциплины на производстве [13, с. 170; 20, с. 243]. Примечательно, что при наблюдавшемся дефиците квалифицированной рабочей силы именно молодые полуквалифицированные работники, получив минимально необходимые знания и закрепив в течение одного-трех лет работы на одном предприятии профессиональные навыки, наиболее активно искали лучше оплачиваемое или менее тяжелое (во всех смыслах) рабочее место [21, с. 201, 207].

1932 год. Фактор коллективизации. В 1932–1933 годах (период страшного голода в районах так называемой «сплошной коллективизации» и демографического спада в деревне) для укрепления колхозной системы и обеспечения ее необходимой рабочей силой власти берут курс на значительное ограничение отходничества из сельской местности. Одновременно значительно ухудшилось снабжение населения городов. Обострившийся в условиях быстрой урбанизации продовольственный кризис заставил верховную власть начать новую кампанию по снижению текучести кадров и борьбу с нарушителями трудовой дисциплины. Это достигалось за счет прикрепления трудящихся к месту работы через систему ведомственного социального обеспечения: в условиях существовавшей карточной системы и низкой покупательной способности заработной платы закрытые рабочие кооперативы при предприятиях и учреждениях стали главным источником получения материальных благ и гарантом выживания для значительной части работников.

Большую роль в условиях введенной в 1932 году паспортной системы играла прописка в ведомственном жилье. Темпы роста городского населения постоянно возрастали: в 1926–1929 годах городское население ежегодно увеличивалось на 0,95 млн человек, в 1929–1931 годах – на 1,6 млн, в 1931–1933 годах – на 2,04 млн, в 1933–1939 годах – на 2,34 млн человек [22, с. 192–193]. Это достигалось прежде всего за счет сельской местности. Быстрые темпы урбанизации в сочетании с безусловным приоритетом в пятилетних планах 1930-х годов

промышленного строительства над жилищным вызывали дефицит жилья. Следует согласиться с мнением М.Г. Мееровича: жилище было превращено в элемент распределительной системы (власть им миловала и наказывала), а жилищная политика служила государству средством управления людьми, принуждения их к безальтернативным видам труда и политической лояльности [23, с. 46–47, 49].

Для снижения экономических издержек из-за текучести рабочей силы и негативных трудовых девиаций государство усилило правотворческую деятельность в рамках трудового права и свойственными данной отрасли способами. Новации, введенные в ноябре 1932 года Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР, предписывали администрациям предприятий за прогул (неявку на работу без уважительных причин в течение одного дня) увольнять работника и одновременно лишать его права пользования продовольственными и промтоварными карточками (выданными ему как работнику данного предприятия), а также права пользования ведомственным жильем [24]. Власти надеялись, что прописанные в Постановлении 1932 года меры повысят значимость сохранения места работы как основы для получения работником материального и жилищного обеспечения. Действительно, в 1934 году число уволившихся работников в крупной промышленности относительно среднесписочного состава составило 96,7 %, в 1933 и 1932 годах данный показатель составлял соответственно 22,4 и 135,3 % [17, с. 166; 18, с. 219]. Официальная статистика подчеркивала заметную тенденцию снижения количества прогулов [25, с. 193].

Правда, снижение количества прогулов объясняется переквалификацией администрацией предприятия прогула на неявку по уважительным причинам. Последнее обстоятельство свидетельствовало, как минимум, о серьезном сопротивлении хозяйственного руководства законодательным новациям по укреплению трудовой дисциплины. Отчеты пермских партячеек (1933 г.) о выполнении этого Постановления фиксируют многочисленные примеры «примиренчества и либерализма» хозяйственной администрации в отношении прогульщиков. Руководство предприятий в условиях дефицита кадров не хотело расставаться с нарушителями трудовой дисциплины из числа квалифицированных работников. Особое сопротивление реализации закона оказывалось в организациях со сложившейся системой «плохого труда» [26, л. 18, 28об., 74–75].

1938 год. Реакция на неэффективность предшествующей политики. С середины 1930-х годов (в условиях отмены карточной системы) на рынок труда большое влияние оказывает государственная политика по развитию стахановского движения. Задуманное как экономический механизм повышения производительности труда движение передовиков производства уже в феврале – марте 1936 года спровоцировало общий рост норм выработки на 20–40 % и снижение расценок, что обострило проблемы текучести рабочей силы и «плохого труда» [1, с. 37; 27, с. 32]. Стахановское движение в наибольшей степени актуализировало «замкнутый круг» советской экономики 1930-х годов: режим «экономии на зарплате» не обеспечивал государству желаемой высокой производительности и оборачивался ростом текучести кадров и негативных трудовых девиаций, но чтобы достойно оплачивать труд, не хватало средств, ибо мешала сравнительно низкая производительность труда из-за текучести кадров и трудовых девиаций.

В принятом на излете «Большого террора» Постановлении СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 28 декабря 1938 года получили самое последовательное развитие традиционные с 1932 года методы, предусматривавшие как расширение перечня дисциплинарных взысканий и оснований для привлечения к дисциплинарной ответственности нарушителей трудовой дисциплины, так и

жестко регулируемое государством соответствие между гарантированным объемом социальных благ и непрерывной, добросовестной работой на предприятии. Однако в значительно изменившихся в конце 1930-х годов условиях на рынке труда данные методы показали крайне низкую эффективность. После принятия Постановления 1938 года фиксируется увеличение числа нарушений трудовой дисциплины, которые даже на многих оборонных предприятиях составляли свыше 50 % среди всех причин увольнения [2, с. 175]. Реализация данного Постановления сопровождалась обострением проблемы текучести кадров. В целом в промышленности в 1938 году в среднем ежемесячно принималось 6,1 % и увольнялось 5,9 % от среднесписочного состава рабочих, а в 1939 году эти показатели составляли уже 7,7 и 7 % [3, с. 57]. Складывалась парадоксальная ситуация: курс на повышение трудовой дисциплины усиливал экономическую проблему текучести кадров и тем самым обострял конкуренцию среди предприятий за рабочую силу.

1940 год. Отложенный фактор начала Второй мировой войны. К концу 1930-х годов видоизменились источники и способы комплектования рабочей силы для промышленных и строительных объектов. На место слабо регулируемого властями сезонному крестьянскому отходничеству приходит более централизованный оргнабор в колхозах, проводимый предприятиями по линии усиленно конкурирующих друг с другом отраслевых наркоматов. Однако и его результаты к концу 1930-х годов были весьма скромными: если принять данные о притоке рабочей силы по оргнабору за 1931 год как 100 %, то в 1937 году этот показатель максимально уменьшается до 37 % (в этом году численность пришедших по оргнабору составила 1570 тыс. человек), несколько увеличиваясь за 1940 год до 44 % (2327 тыс. человек) [28, с. 11]. И это притом, что, по данным ЦСУ СССР, в 1937 году промышленность, строительство и транспорт недополучили по плану организованного набора свыше 1200 тыс., в 1938 году – 1300 тыс. и в 1939 году – более 1500 тыс. работников [3, с. 20].

Начало Второй мировой войны значительно ухудшило ситуацию на рынке труда. Рост численности Вооруженных сил СССР вследствие периодических призывов значительной части работников в РККА до предела обострил проблему острого дефицита квалифицированной рабочей силы. В справке отдела труда Госплана СССР (1940 г.) отмечалось, что при общем увеличении численности трудящихся в народном хозяйстве на 4,6 % за 1937–1939 годы число рабочих, занятых в промышленности, уменьшилось на 2 % – с 7923,8 тыс. до 7761,4 тыс. человек [28, с. 13–14, 73].

Начатый до войны перевод экономики на военные рельсы предусматривал увеличение объемов государственных заказов на оборонные предприятия. В предвоенные годы темпы роста оборонного бюджета более чем вдвое обгоняли положительную динамику суммарных бюджетных расходов по народному хозяйству: в сравнении с серединой 1930-х годов эти расходы в 1939 году выросли в четыре раза, а в 1940 году – более чем в шесть раз [29, с. 26]. При этом возросли объемы капитальных вложений в строительство новых оборонных заводов, в реконструкцию и техническое перевооружение действующих производств. В этих условиях верховная власть была вынуждена сделать акцент на чрезвычайных методах по интенсификации труда, максимальному административному ограничению незапланированного «перетока» рабочей силы, применению именно уголовной ответственности за некоторые нарушения трудовой дисциплины.

Выводы

1. Изучение нормативно-правовых актов периода довоенной индустриализации показало, что государство одновременно пыталось достичь несколько взаимосвязанных между собой целей – интенсифицировать труд, снизить текучесть рабочей силы, более жесткими мерами

укрепить трудовую дисциплину. Их реализация зависела от внутри- и внешнеполитических факторов внешней среды.

2. На ситуацию на рынке труда первой половины 1930-х годов приоритетное влияние оказывала коллективизация. Данный фактор предопределил пополнение рабочего класса выходцами из деревни, обострил в городах продовольственный и жилищный кризис. Поэтому государство пыталось повысить престижность добросовестной деятельности на одном месте работы.

3. В конце 1930-х годов наибольшее влияние на политику государства в изучаемой сфере оказывал фактор Второй мировой войны, который значительно обострил проблему дефицита кадров на производстве. В новых условиях функционирования рынка труда прежними методами снизить текучесть кадров и количество прогулов до не критичного уровня даже на предприятиях военно-промышленного комплекса оказалось невозможным.

4. На протяжении 1930-х годов степень соблюдения хозяйственными руководителями новаций трудового законодательства можно рассматривать как фактор, повлиявший на корректировку партийно-государственной политики в сфере укрепления трудовой дисциплины, которая стала технократической реакцией властвующей элиты на поведение мало- и полуквалифицированных рабочих в условиях функционирования огосударственного рынка труда.

5. Развитие законодательства в сфере укрепления трудовой дисциплины в рассматриваемом временном промежутке коррелировало с утверждением в партийно-государственной среде технократического подхода к экономике. Это предусматривало рациональное применение многообразных форм и методов принуждения работников к труду при сознательном игнорировании гуманистических ценностей.

Список литературы

1. Соколов А. К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 17–66.
2. Никитин А.Ф. Оборонная промышленность Среднего Поволжья в предвоенные годы: 1938 – июнь 1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2004. – 287 с.
3. Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933–1940 гг. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 668 с.
4. Чупрытников С.А. Партийно-правительственные постановления по вопросам укрепления трудовой дисциплины в СССР в 1930-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 5. – С. 55–58.
5. Гогин А.А. К вопросу об ответственности за нарушения воинской и трудовой дисциплины по советскому законодательству предвоенного периода // Вектор науки ТГУ. Сер.: Юридические науки. – 2014. – № 4 (19). – С. 24–29.
6. Иванов А.А. «... Вести решительную борьбу со всеми нарушителями трудовой дисциплины и правил внутреннего трудового распорядка, с прогульщиками, лодырями, рвачами» (о борьбе за дисциплину в предвоенные годы) // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2015. – № 1. – С. 13–15.
7. Добровольский А.А. Правотворческая политика государства в области укрепления дисциплины труда в СССР в конце 1930-х гг. // Власть. – 2014. – № 3. – С. 146–148.
8. Хлевнюк О.В. 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. – 1989. – № 9. – С. 86–96.

9. Филатов С.Г. Пути решения кадровой проблемы на предприятиях пищевой промышленности Поволжья в 1938–1941 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5 (19). – Ч. 2. – С. 200–202.
10. Шильникова И.В. Проблемы регулирования трудовой дисциплины на советских текстильных предприятиях в годы первых пятилеток // Экономическая история. – 2016. – № 3 (34). – С. 83–97.
11. Лазарев С.Е. Правовое регулирование трудовой дисциплины в СССР во второй половине 1930-х годов // Гражданин и право. – 2015. – № 10. – С. 14–23.
12. Ковалева Л.А. Моральное и материальное стимулирование труда в 1930-е годы (на предприятиях Урала) // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 5–6 (84). – С. 87–89.
13. Невзорова И.В. Стимулирование труда рабочих местной промышленности Южного Урала в 30-е годы XX века // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. – 2017. – № 3 (23). – С. 168–176.
14. Труд в СССР: стат. сб. – М.: Статистика, 1968. – 344 с.
15. О мерах к укреплению трудовой дисциплины в государственных предприятиях [Электронный ресурс]: Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 6 марта 1929 г. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 11.08.2017).
16. О мерах к улучшению производственного режима и укреплению трудовой дисциплины в предприятиях [Электронный ресурс]: Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 5 июля 1929 г. – URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 11.08.2017).
17. Панфилова А.М. Формирование рабочего класса в годы первой пятилетки (1928–1932). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 176 с.
18. Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса. 1917–1940 гг. – М.: Мысль, 1976. – 264 с.
19. Чернокрылова Е.Н. Некоторые проблемы формирования рабочего класса в начальный период индустриализации. 1926–1932 гг. (на примере рабочих Урала и Дальнего Востока) // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. – 2015. – № 8. – С. 129–137.
20. Лейбович О.Л., Колдушко А.А. Дискурсивные практики Большого террора на Урале (1936–1938) // Cahiers du Monde russe: Russie. Empire russe. Union Sovietique. Etats Independants. – 2014. – Vol. 55. – Iss. 3–4. – P. 235–265.
21. Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества. Т. 2. 1921–1937 гг. – М.: Наука, 1984. – 512 с.
22. Изменения социальной структуры советского общества (1921 – середина 30-х годов). – М.: Мысль, 1979. – 343 с.
23. Меерович М.Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917–1940 годах) // Вестник Евразии. – 2003. – № 1. – С. 5–66.
24. Об увольнении за прогул без уважительных причин [Электронный ресурс]: Постановление ЦИК СССР и Совета народных комиссаров СССР от 15 ноября 1932 г. – URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 11.08.2017).
25. СССР в цифрах [в 1935 году]: крат. сб. стат. материалов / Центр. упр. нар.-хоз. учета Госплана СССР. – М., 1935. – 316 с.
26. Фонд Пермского городского комитета КПСС // ПГАНИ (Пермский государственный архив новейшей истории). Ф. 1. Оп. 1. Д. 467.

27. Гафурова В.М., Балынская Н.Р., Рахимова Л.М. Система мотивации труда промышленных рабочих в условиях форсированной индустриализации (по материалам Уральского региона) // Казанская наука. – 2015. – № 9. – С. 30–33.

28. Дзенискевич А.Р. Рабочие Ленинграда накануне Великой Отечественной войны. 1938 – июнь 1941 г. – Л.: Наука, 1983. – 222 с.

29. Винслав Ю. Советская оборонная промышленность: из предвоенной, военной и послевоенной истории организации и управления // Рос. экон. журн. – 2017. – № 4. – С. 23–35.

References

1. Sokolov A.K. Prinuzhdenie k trudu v sovetskoj ekonomike: 1930–e — seredina 1950–kh gg. [Coercion to work in the Soviet economy: the 1930th – the middle of the 1950th]. *GULAG: Ekonomika prinuditelnogo truda*. Moscow, «Politicheskaja entsiklopedija», 2008, pp. 17–66.
2. Nikitin A.F. Oboronnaia promyshlennost' Srednego Povolzh'ia v predvoennye gody: 1938 – iyun' 1941 gg. [Defense industry of Central Volga area in pre-war years: 1938 – June, 1941]. Ph. D. thesis. Penza, 2004, 287 p.
3. Sotsialisticheskoe narodnoe khoziaistvo SSSR v 1933-1940 gg. [The socialist national economy of the USSR in 1933-1940]. Moscow, Akademiia nauk SSSR, 1963, 668 p.
4. Chuprynnikov S.A. Partiino–pravitel'stvennye postanovleniia po voprosam ukrepleniia trudovoi distsipliny v SSSR v 1930–e gody [Party governmental decrees concerning strengthening of labor discipline in the USSR in the 1930th years]. *Historical and social-educational ideas*, 2011, no. 5, pp. 55–58.
5. Gogin A.A. K voprosu ob otvetstvennosti za narusheniia voinskoj i trudovoi distsipliny po sovetskomu zakonodatel'stvu predvoennogo perioda [To a question of responsibility for violations of military and labor discipline by the Soviet legislation of the pre-war period]. *Vector of sciences. Togliatti State University. Series: Jurisprudence*, 2014, no. 4 (19), pp. 24–29.
6. Ivanov A.A. «... Vesti reshitel'noiu borbu so vsemi narushiteliami trudovoi distsipliny i pravil vnutrennego trudovogo rasporiadka, s progulshchikami, lodyriami, rvachami» o borbe za distsiplinu v predvoennye gody ["... Messages resolute fight against all violators of labor discipline and employment policies and procedures, against shirkers, idlers, grabbers" (about fight for discipline in pre-war years)]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2015, no. 1, pp. 13–15.
7. Dobrovol'skii A.A. Pravotvorcheskaia politika gosudarstva v oblasti ukrepleniia distsipliny truda v SSSR v kontse 1930–kh gg. [The law-making policy of the state in the field of strengthening of discipline of work in the USSR in the late thirties]. *Vlast'*, 2014, no. 3, pp. 146–148.
8. Khlevniuk O.V. 26 iunija 1940 g.: illiuzii i real'nosti administrirovaniia [on June 26, 1940: illusions and realities of administration]. *Kommunist*, 1989, no. 9, pp. 86–96.
9. Filatov S.G. Puti resheniia kadrovoy problemy na predpriiatiakh pishchevoi promyshlennosti Povolzh'ia v 1938–1941 gg. [Solutions of a personnel problem at the enterprises of the food industry of the Volga region in 1938-1941]. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2012, no. 5(19), vol. 2, pp. 200–202.
10. Shil'nikova I.V. Problemy regulirovaniia trudovoi distsipliny na sovetskikh tekstil'nykh predpriiatiakh v gody pervykh piatiletok [Problems of regulation of labor discipline at the Soviet textile enterprises in days of the first five-years periods]. *Economic History*, 2016, no. 3 (34), pp. 83–97.
11. Lazarev S.E. Pravovoe regulirovanie trudovoi distsipliny v SSSR vo vtoroi polovine 1930–kh godov [Legal regulation of labor discipline in the USSR in the second half of the 1930th years]. *Grazhdanin i pravo*, 2015, no. 10, pp. 14–23.
12. Kovaleva L.A. Moral'noe i material'noe stimulirovanie truda v 1930–e gody (na predpriiatiakh Urala) [Moral and material work incentives in the 1930th years (at the enterprises of the Urals)]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2014, no. 5–6 (84), pp. 87–89.
13. Nevzorova I.V. Stimulirovanie truda rabochikh mestnoi promyshlennosti luzhnogo Urala v 30–e gody XX veka [Work incentives of workers of the local industry of South Ural in the 30th years of the XX century]. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2017, no. 3(23), pp. 168–176.
14. Trud v SSSR: statisticheskii sbornik [Work in the USSR: statistical collection]. Moscow, Statistika, 1968, 344 p.
15. O merakh k ukrepleniui trudovoi distsipliny v gosudarstvennykh predpriiatiakh. Postanovlenie Soveta Narodnykh Komissarov SSSR ot 6 marta 1929 g. [About measures to strengthening of labor discipline in the state enterprises. Resolution of Council of People's Commissars of the USSR of March 6, 1929]. ConsultantPlus, available at: <http://base.consultant.ru> (accessed 11 August 2017).
16. O merakh k uluchsheniui proizvodstvennogo rezhima i ukrepleniui trudovoi distsipliny v predpriiatiakh. Postanovlenie Sovet Narodnykh Komissarov SSSR ot 5 iulija 1929 g. [About measures to improvement of the production mode and strengthening of labor discipline in the enterprises. The resolution Council of People's Commissars of the USSR of July 5, 1929]. ConsultantPlus, available at: <http://base.consultant.ru> (accessed 11 August 2017).
17. Panfilova A.M. Formirovanie rabocheho klassa v gody pervoi piatiletki (1928-1932). [Formation of working class in days of the first five-years period (1928-1932)]. Moscow, Moskovskii universitet, 1964, 176 p.
18. Vdovin A.I., Drobizhev V.Z. Rost rabocheho klassa. 1917-1940 gg. [Growth of working class. 1917-1940]. Moscow, Mysl', 1976, 264 p.
19. Chernokrylova E.N. Nekotorye problemy formirovaniia rabocheho klassa v nachal'nyi period industrializatsii. 1926–1932 gg. (na primere rabochikh Urala i Dal'nego Vostoka) [Some problems of formation of working class during an initial stage of industrialization. 1926-1932 (on the example of workers of the Urals and the Far East)]. *The Scientific Opinion. Economic, juridical and sociological sciences*, 2015, no. 8, pp. 129–137.
20. Leibovich O.L., Koldushko A.A. Diskursivnye praktiki Bol'shogo Terrora na Urale (1936–1938) [Diskursivnye of practice of Big Terror in the Urals (1936–1938)]. *Cahiers du Monde russe: Russie. Empire russe. Union soviétique. Etats independants*, 2014, vol. 55, iss. 3-4, pp. 235–265.
21. Rabochii klass – vedushchaia sila v stroitel'stve sotsialisticheskogo obshchestva. Tom 2. 1921-1937 gg. [Working class – the leading force in construction of socialist society. Vol. 2. 1921-1937]. Moscow, Nauka, 1984, 512 p.

22. *Izmeneniia sotsial'noi struktury sovetskogo obshchestva (1921 – seredina 30-kh godov)* [Changes of social structure of the Soviet society (1921 – the middle of the 30th years)]. Moscow, Mysl', 1979, 343 p.
23. Meerovich M.G. *Vlast' i zhilishche (zhilishchnaia politika v SSSR v 1917–1940 godakh)* [The power and the dwelling (housing policies in the USSR in 1917-1940)]. *Vestnik Evrazii*, 2003, no. 1, pp. 5–66.
24. *Ob uvol'nenii za progul bez uvazhitel'nykh prichin. Postanovlenie TSIK SSSR i Soveta narodnykh komissarov SSSR ot 15 noyabrya 1932 g.* [About dismissal for a truancy without valid excuse. Resolution of the Central Election Commission of the USSR and Council of People's Commissars of the USSR of November 15, 1932]. ConsultantPlus, available at: <http://base.consultant.ru> (accessed 11 August 2017).
25. *SSSR v tsifrakh [v 1935 godu]: kratkiy sbornik statisticheskikh materialov* [The USSR in figures [in 1935]: short collection of statistical materials]. Moscow, Tsentral'noe upravlenie narodnokhoziaistvennogo ucheta Gosplana SSSR, 1935, 316 p.
26. *Fond Permskogo gorodskogo komiteta KPSS.* [Fund of the Perm city committee of the CPSU]. PGANI (*Permskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii*), f. 1, op. 1, d. 467.
27. Gafurova V.M., Balynskaia N.R., Rakhimova L.M. *Sistema motivatsii truda promyshlennykh rabochikh v usloviakh forsirovannoi industrializatsii (po materialam ural'skogo regiona)* [The system of motivation of work of industrial workers in the conditions of the forced industrialization (on materials of the Ural region)]. *Kazan Science*, 2015, no. 9, pp. 30–33.
28. Dzeniskevich A.R. *Rabochie Leningrada nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny. 1938- i iun' 1941 g.* [Workers of Leningrad on the eve of the Great Patriotic War. 1938 June, 1941]. Leningrad, Nauka, 1983, 222 p.
29. Vinslav Iu. *Sovetskaia oboronnaia promyshlennost': iz predvoennoi, voennoi i poslevoennoi istorii organizatsii i upravleniia* [Soviet defense industry: from pre-war, military and post-war history of the organization and management]. *Russian Economic Journal*, 2017, no. 4, pp. 23-35.